

Лидия Чарская

ЖЕЛАННЫЙ ЦАРЬ

УДК 82-311.6

ББК 84-4

Ч-22

Чарская, Л. А.

Ч-22 Желанный царь / Л. А. Чарская. – М. : Т8RUGRAM. – 170 с.

ISBN 978-5-519-61849-6

Лидия Алексеевна Чарская (1875–1937) – русская детская писательница, поэтесса и актриса. В начале XX века популярность её книг была так велика, что Чарскую называли «властительницей дум». После Октябрьской революции Чарскую практически перестали печатать из-за её дворянского происхождения и «буржуазно-мещанских взглядов».

Роман «Желанный царь» в увлекательной приключенческой форме повествует о событиях, предшествующих вхождению на престол юного государя Михаила Романова. Неповторимая атмосфера и дух эпохи Смутного времени, яркие исторические персонажи с первых страниц заинтересуют читателя, а переплетение судеб главных героев, интриг и захватывающих событий будут держать в напряжении до последних строк книги.

УДК 82-311.6

ББК 84-4

ВІС НВТ

BISAC FIC014000

ISBN 978-5-519-61849-6

© Т8RUGRAM, оформление, 2017

Содержание

Часть I. Невинно осужденные	5
Часть II. В опале.....	65
Часть III. По терниям на престол.....	113
<i>Заключение</i>	167

Часть I.

Невинно осужденные

Глава I

Весна в 1601 году стояла ранняя и теплая на редкость! Яркое солнце, щедро оделяя майскими лучами землю, заглянуло поздним весенним утром в огромный, густо разросшийся сад романовского подворья, находившегося в центре Москвы, по соседству с Чудовым и Вознесенским монастырями.

Молодая весенняя листва — клейкие листочки лип и кленов, нежные, бархатистые белостволых берез и вяжущие черемухи — успела покрыть густыми шапками высокие и могучие деревья сада.

Там, где два старика дуба протягивали друг к другу свои мощные ветви-руки, висела широкая доска качелей. Целая толпа сенных девушек с веселым шушуканьем и смехом теснилась вокруг нее. На утлой доске, по обе стороны дородной мамы-пестуни, сидели двое хорошеньких и румяных детей. Восемилетняя девочка, русокудряя, голубоглазая, в атласном, богато расшитом по голубому полю шелками и жемчугом летнике, и пятилетний мальчик, кудрявый, темноглазый, с необычайно кроткой и ясной улыбкой пригожего детского личика, в нарядном, отделанном бурмицкими зернами по вороту и запястьям кафтане, однорядке, в щегольских сафьяновых сапожках и в богатой шапке поверх мягких темно-русых кудрей. Две девушки, одна рослая, статная шестнадцатилетняя красавица, отдаленно похожая чертами лица на детей, в дорогом летнике пунцового шелка, в легком, подбитом камнями девичьем венце с пестрыми лентами, спускавшимися чуть ли не до пят, наравне с тяжелой русой толстой косой, стояла на одном конце качелей, другая, судя по скромной одежде — сенная девушка, на другом.

С веселым смехом они раскачивали доску, то и дело поддавая ее, к немалому страху и смятению дородной мамушки.

— Ай! Побойся ты Бога, боярышня Настасья Никитична, — взывала от страха несчастная мамушка, — уморишь, как есть уморишь и боярчат-племяшей своих, да и меня, холопку верную... Ой, буде! Богом тебя молю, боярышня! Ой, помру. Ей-ей, помру! Остановись, Христа ради, боярышня!

— Ха-ха-ха! — залилась на это звонким смехом проказница Настасья Никитична, а за нею и Таня с Мишей (так звали сидевших подле мамы детей). — И не стыдно тебе бояться, мамушка? Качели не струг на озере, не потонешь небось!

— И то не потонешь, госпожа мамушка! — тихонько поддакнули сенные девушки, боясь, однако, громко смеяться над нянькой-кормилицей маленьких боярчат, главной холопкой боярского женского терема.

— Не потонут, конечно, а зашибиться все ж могут Танюша с Мишенькой... Да буде же, буде, боярышня! Того и гляди, перевернется доска. Какой ответ тогда давать мне боярину Федору Никитичу да боярыне Ксении Ивановне? — не унималась толстая мамка, прижимая к себе обоих детей.

— Ай да Кондратьевна! Небось за боярчика своего да за боярышню дрожмя дрожись, а обо мне, горемычной, и не кручинишься! А поди-кась и я небось не из воска ярого слеплена, упаду, зашибусь вас всех не менее! — смеялась Настасья Никитична, к немалой потехе обоих деток, бесстрашно поглядывавших из-под рук мамушки на быстрые взмахи качельной доски. Малютка Миша так и заливался серебристым смехом, вторя своей голосистой молоденькой тетке и сестре.

— Ну, буде! Полдничать скоро позовут, — решительно заявила Настя и, взметнувшись еще раз под самый шатер высоких дубов, ловко спрыгнула наземь, сильной девичьей рукою удерживая качель. Потом неожиданно подбежала ко все еще не успокоившейся мамушке, выхватила у нее обоих детей и с тем же веселым, залихватым смехом, ухватив их за руки, стрелою помчалась с ними через зеленую садовую лужайку.

— Лови нас, мамушка! — звонко крикнула она, задыхаясь от смеха.

— Ишь, затейница! Ишь, проказница! — забубнила дородная мама, семена за убежавшими своей утиной походкой вперевалочку, в то время как сенные девушки тихонько фыркали, закрываясь узорчатыми рукавами рубах.

Они бы и сами с наслаждением порезвились и потешились по примеру их общей любимицы, боярышни Настасьи Никитичны, да строгие глаза мамы, не дававшей поблажки никому из меньшей холопской братии, невольно приковывали их к месту.

Поневоле приходилось сдерживать себя и чинно выступать по тропинке, завистливо поглядывая вслед убежавшим.

Вот они завернули за группу деревьев, вот мелькнул яркий летник боярышни, вот взметнулись пестрые ленты ее девичьего венца, и молоденькая проказница вместе с малютками-племянниками скрылась мгновенно за смородиновыми и малиновыми кустами, разросшимися целым лесом в дальнем конце огромного романовского сада.

— Ау! Ау! Ищите нас! — послышались оттуда звонкие голоса Настасьи Никитичны, Тани и Миши.

И веселый серебристый смех зазвенел оттуда...

— Ах, как тут хорошо на воле, в этом зеленом уголку!

С тем же веселым смехом Настя бросилась на молодую весеннюю травку, увлекая за собой детей.

Солнце горячими полуденными лучами проникало в это тихое царство зелени развесистых пышных ветвей. Кузнечики весело трещали в свежей мураве. Пестрые бабочки порхали над белыми нежными подснежниками, мелькавшими здесь и там своими скромными глазками. А над высоким частоколом виднелись золотые маковки ближнего Чудова монастыря.

— Ай да и славно же здесь, племяши! Уж так-то славно да привольно, что и сказать нельзя! — вырвалось счастливыми звуками из груди боярышни, и она в избытке чувств обняла и притянула к себе обоих детей. Те ластились и ласкались к молоденькой тетке, как маленькие котятка. Они любили свою веселую красавицу Настю,

бедовую на потешные выдумки и на всякие игры, «красное солнышко» романовских палат, как все прозвали ее на подворье.

Но вот насторожилась Настя. Красивое румяное личико девушки стало серьезней. До ушей ее ясно долетели чья-то умышленно приглушенная речь и шорох шагов по ту сторону частокола, к которому прилегали задние службы и мелкие строения Чудова монастыря. Любопытная, как и все теремные затворницы того времени, Настя, наскучившая среди однообразной жизни в тереме, жадно ловила всякие впечатления, доходившие до нее извне. Поэтому, приложив палец к губам и наскоро шепнув племянникам: «Тише! Нишкните! Смирно сидите, детушки!» — быстро поднялась на ноги и, крадучись, легко и неслышно подбежала к частоколу.

Здесь находилась небольшая земляная лавочка-насыпь в виде приступки. На нее легкой птичкой вскочила боярышня и, приложив ухо к небольшому отверстию между зубьями частокола, замерла на месте, снedaемая любопытством.

Сначала ничего не было слышно. Раздавались только тихий шелест раздвигаемых кустов за забором да осторожные шаги двух человек. Но вот странно знакомый Насте голос произнес почти шепотом:

— Вот здесь побеседуем, друже. Место пустынное. Ни единая душа не услышит. А за частоколом дальняя часть сада бояр Романовых. Заросли ягодные. Туда никто, окромя как посередь лета, пока ягода не поспеет, и не заглядывает. Мне это доподлинно ведомо, потому как я, восемь годов тому будет, и в саду ихнем, и во дворе кажинный день свой человек был. От боярина князя Черкасского, Бориса меня здешний боярин взял в холопы, потому книжной грамоте я зело приучен...

«Кто это?» — невольно возник вопрос в голове Насти, и она, поднявшись на цыпочки, заглянула за высокий частокол.

Но, кроме черной монашеской скуфьи и низкой круглой шапки, какие носят молодые дворяне да дети боярские, она ничего не могла разглядеть.

«Один чернец, другой мирянин! — произнесла мысленно девушка и, снова замирая на месте, приготовилась внимательно слушать того, чей голос казался ей до странности знакомым

и сейчас. — Ведь если он служил здесь на подворье у ее брата, боярина Федора Никитича Романова, стало быть, и голос его мог запомниться ей», — думала она.

Это обстоятельство, однако, мало заинтересовало Настю. Гораздо более поразило ее то, что говорил второй собеседник. Другой голос трепетно возражал:

— Потерпи малость, скоро наступит время, пробьет твой час, и сбросишь с плеч своих ты сию убогую власяницу и облечешься в виссон и пурпур, приличествующие сану твоему.

— Наступит время! Пробьет мой час! Да когда же, когда, друже! — пылко, но все тем же сдержанным шепотом прервал его собеседник. — До кой поры проклятый убийца все еще будет царствовать и губить людей, верных слуг отца моего? Где Вельский Богдан? В ссылке. Где Мстиславский? Погиб, помер по милости того же Бориса... Все верные слуги покойных отца и брата Федора поперек дороги ему стали... И не будь у меня добрых друзей, не приспей они в Углич вовремя, быть мне зарезанному заместо поповского сына, погребенного под именем Димитрия-царевича... И еще много жертв загубит Борис невинных, прежде нежели пробьет час вступить мне, прирожденному царевичу, на прародительский престол.

— Возьми на время терпения, царевич. Ждал дольше. Невесть Бог, сколько осталось подождать. Дай покончить с делами, подготовить людей за рубежом, где до поры до времени тебе укрыться придется... А там соберутся доброхотники, держальники твои, и открыто пойдешь ты во главе собранных дружин добывать престол московский. Верь, царевич... Денно и ночью пекутся друзья твои о тебе... Денно и ночью, блюдя тебя из отдаленья, трудятся во славу твою, нашего прирожденного законного царевича Димитрия...

— Царевича Димитрия! — чуть слышно, с недоумением прошептали губы Насти, ошеломленной и взволнованной всем слышанным. Какой такой царевич? Откуда взялся он? Знает она, Настя, одного законного и прирожденного царевича, царского сына, сына царя Бориса, юного Федора, которому, как и царю Борису, служат ее братья, ближние бояре Романовы...

Но то Федор, а это Димитрий! И какому царю грозит он проклятием? И на какой престол сулят посадить его, этого незнакомца, его

приспешники? Да и статочное ли это дело, чтобы простому холопу или чернецу сделаться царем?

Девушка совсем растерялась от десятка новых мыслей и непонятных догадок, нахлынувших в голову.

Сильно заколотилось ее сердце. Пылали нежные щеки, а трепещущие руки бессознательно теребили концы лент девичьего венца.

Между тем снова заговорил знакомый голос за частоколом, заговорил шепотом, едва слышно выговаривая слова:

— Нонче Семен Годунов, ведомо мне, рвет и мечет в бессильной злобе на родичей моих, на бояр Романовых. Простить не может, что Федор Никитич из бояр боярин, в думе ближе всех заседает к Борису, да Александр Никитич из окольных в бояре назван, а он, царев дядя, с коих пор в окольных ходит... Да и романовская казна не дает покоя годуновцам. Того и гляди, под опалу подведут моих бояр!

Последние слова словно ножом полоснули по сердцу Насти. Она пошатнулась от волнения, схватилась за острые колья забора, но не удержалась и с легким шорохом спрыгнула на землю.

В тот же миг прервалась беседа за забором, и слышно было, как за частоколом поспешно удалялись мужские шаги.

Бледная и встревоженная, кинулась к детям боярышня и стала торопить их домой.

— Идем, идем, детушки! Небось мамушка Василиса Кондратьевна натерпелась страха, нас ищущи. Поспешаем, ребятушки! Гляньте-ка, и солнышко высоко стало... Ин как раз и полдничать время! Ау, мамушка! Ау, девушки! — позвала она звонким криком, разлившимся на весь сад.

— Ау-ау! — послышалось ответным криком из густой заросли смородиновых и малиновых кустов, и через минуту-другую просунулась пестрая, шитая шелками кика мамушки, и замелькали оживленные лица девушек, открывших, наконец, убежище своих молодых господ.

И гурьбою, подхватив на руки боярчат, все двинулись к дому.

Глава II

Родственники московским государям по бабке великого князя Ивана III, Марье Голтяевой-Кошкиной и по отцу приходясь родными